Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 28, Is. 6, pp. 77–88, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-28-6-77-88
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 821.161.1

The 'Kalmyk Tale' Narrated by Ye. Pugachev — Pushkin's Philosophical Parable

Bairta A. Kichikova¹

¹ Ph.D. in Philology, Associate Professor, Senior Research Associate, Department of Written Monuments, Literature and Buddhist Studies, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: kigiran@mail.ru

Abstract. The article considers the 'Kalmyk tale' in terms of the genre theory and by means of a special analysis of the genre of parable. The allegorical meaning of Pugachev's 'tale' emerges out of the context of Pushkin's prose, especially *The Journey to Erzurum...* and *The Captain's Daughter*. The intertextual relations of symbolic and allegorical characters ('a raven and a dove', 'the Eagle and the Raven'), in turn, are determined by the specificity of the biblical texts, primarily those of the Old Testament. Allusions, reminiscences, and replicas of biblical precepts, teachings and parables define the genre originality of Pugachev's 'Kalmyk tale' as a philosophical parable. And it is in this form that the *Parable about the Eagle and the Raven* gets included in Pushkin's 1830s philosophy of history.

Keywords: 'Kalmyk tale', 'old Kalmyk woman', Pugachev, Pushkin, *The Eagle and the Raven*, allegory, parable, biblical texts, philosophy of history

У «калмыцкой сказки» из романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка» (1836) едва ли не более сложная система рассказчиков, чем в «Повестях покойного Ивана Петровича Белкина» (1830).

Передача текста «сказки» в ретроспективе напоминает перевернутую пирамиду и организована по вертикали — из настоящего в прошлое.

1. «Издатель» подготовил к публикации «записки» Петра Андреевича Гринева о событиях 1773–1774 гг. со своим кратким послесловием. Подготовленная к печати рукопись снабжена пометой: «19 окт. 1836» (VIII, 374)¹.

¹ Тексты А. С. Пушкина приводятся в статье с указанием тома и страницы в скобках после цитаты по репринтному воспроизведению Большого академического издания: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 16-ти т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949, — дополненного к юбилею

2. Примерное время создания «записок» определяется замечанием их автора: «Ныне дожил я до кроткого царствования императора Александра, не могу не дивиться быстрым успехам просвещения и распространению правил человеколюбия» (VIII, 318). Из вычисления Пушкиным года рождения героя следует, что зимой 1773 г. Петру Гринеvu было 18 лет (VIII, 928). «Записки» адресованы не только прямым потомкам автора, но и читателям будущих поколений.

3. В «записки» включена рассказанная Пугачевым юному Гринеvu зимой 1773 г. «сказка» об орле и вороне. Из некоторых особенностей передачи текста «сказки» заметно, что Пугачев является ее «соавтором».

поэта: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 19-ти т. М.: Воскресенье, 1994–1997. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам, кроме передачи черновых вариантов.

4. Пересказ обрамлен настойчивыми указаниями Пугачева на «этническую принадлежность» сюжета об орле и вороне: «<...> в ребячестве мне рассказывала старая калмычка. <...> Какова калмыцкая сказка?» (VIII, 353).

В перспективе же функционирование включенного в роман текста «сказки» может быть уподоблено конусу рупора и ориентировано по горизонтали — открыто во времени.

1. «Старая калмычка», условный персонаж с функцией хранительницы народной мудрости, некогда, в «предроманном» времени, рассказала эту «сказку» — возможно, одному Пугачеву, возможно, нескольким «ребятам».

2. В свою очередь Пугачев рассказывает «калмыцкую сказку» Гриневу, в момент восприятия этого «сокровенного сказания» его значения не понявшему. Пугачев — промежуточное, но важное звено в передаче текста «сказки», поскольку относится к ней как к произведению фольклора и в своем исполнении может вносить в нее некие изменения.

3. Запомнившаяся Гриневу с юности, тоже почти «в ребячестве», «калмыцкая сказка» получает письменную фиксацию, сюжетную обусловленность, связи с контекстом романа и его адресацией: «Молодой человек! Если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений» (VIII, 318–319).

4. «Записки» Гринева к выходу в свет готовит «издатель». На этом уровне текста «сказки», функционирующего в романе как один из ключевых эпизодов его сюжета и как важное звено его содержательных связей, «старая калмычка», Пугачев, автор «записок» и их «издатель» объединяются в личности подлинного Автора, создающего связь событий и времен в своем романе.

Упоминание о старой калмычке уводит ее сказку в даль времен, устами героя определена ее национальная принадлежность — «калмыцкая сказка». Так волею Автора романа утверждается фольклорное (коллективно-народное), а не литературное (индивидуально-личное) происхождение сказки об орле и вороне.

«Калмыцкая сказка» действительно обладает определенными признаками народно-поэтического текста. Как известно, ни в

калмыцком, ни в русском сказочном фольклоре ее источник обнаружить не удалось [Гиллельсон, Мушина 1977: 150–151; Борисова 1988: 108–111; Кичикова 2016: 111–112]. Называя пугачевскую «сказку» басней (взамен термина «притча»), А. А. Потебня заметил: «<...> около басни Пугачева группируется целый круг людей, подобных Пугачеву, таких, которые предпочитают быть орлом на час, чем вороном навек. Что Пугачев стоит тут не одиноко, доказывается в разных языках пословицами. Многие сербские разбойники говорят то же самое» [Потебня 1976: 508, 561 — примеры]. Смысловой стержень пугачевской «сказки» вырастает из противопоставления, выраженного грамматической конструкцией «чем..., лучше...»: «Нет, брат ворон; чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью» (VIII, 353). Разумеется, указанное противопоставление, как и общая тема «Осмотрительные трусы живут дольше храбрецов», щедро питают мировую паремологию, в том числе и пословичный фонд ойратов и их этнических преемников — калмыков: в своде Б. Х. Тодаевой мы отметили свыше тридцати блестящих примеров [Пословицы 2007: 24–25, 87, 89, 90, 91, 92, 164, 309, 311, 312, 313, 320, 342, 344, 345, 360–363, 458, 480, 564, 568, 586, 597, 603–604]. Однако универсальность паремологической темы не предполагает ее «наполнения» тождественными персонажами, в том числе и «зоологическими». Привлекшая наше внимание единственная в своем роде калмыцкая пословица, построенная на антитезе орла (калмыцкое название птицы отражает представления о ней как о земном воплощении мифологической птицы Гаруды) и ворона, семантически совершенно далека от смыслового стержня пушкинской «калмыцкой сказки»:

Гард шовун хорта моха хораж чаддг,

Керэ — чаддг уга, теду мет

Билг төгсгсн амтн харңһуһан эрлһж чаддг,

Тенг амтн — чаддг уга.

Птица Гаруда истребит ядовитую змею,

А ворон — нет; точно так же

Талантливые люди рассеют мрак невежества,

А глупые — нет

[Пословицы 2007: 79].

Пословица основана на универсальной мифологеме Орла/Птицы Гаруды, истребляющего змею. Отличие от мифологического архетипа очевидно в противопоставлении

Орла Ворону и развивающемся сопоставлении из дидактической второй части двучленной пословицы — Гаруды, змеи и Ворона с талантом, невежеством и глупостью.

Одним из признаков «фольклорности» сказки об Орле и Вороне является столь тонко созданное ее Автором участие «соавтора» в передаче–пересказе–исполнении ее текста. «Каждый устный вариант фольклорного сказочного сюжета — это и особое, индивидуальное *исполнение*; можно сказать, что натуральная сказка имеет исполнительскую природу», — отмечает исследователь-литературовед [Непомнящий 2001: 242]. «Исполнение неповторимо, оно представляет собой не воспроизведение, а творчество», — формулирует исследователь-фольклорист [Лорд 1994: 118]. Роль Пугачева в процессе «сотворчества» при «исполнении» сказки освещена предваряющим комментарием: «„Слушай“, — сказал Пугачев с каким-то диким **вдохновением**. — “Расскажу тебе сказку <...>”» (VIII, 353). Это слово имеет у Пушкина особую смысловую ответственность (ср.: «вдохновенный кудесник» в «Песни о вещем Олеге», весь контекст боговдохновенности явления поэта и его слова в «Пророке», «Поэте», «Поэту», «Египетских ночах» и др.).

Пугачев не только примеряет к себе образ Орла, но и отождествляет себя с ним как с царственным олицетворением власти, силы и гордости: «Орел подумал: давай попробуем и **мы** питаться тем же» (VIII, 353). В предшествующем «сказке» тексте романа мужицкий «царь» избегает прямого употребления местоимения «мы» как формы «множественного величия», но полукomicески прибегает к притяжательному местоимению «наши»: «Наши светлые очи не могут тут ничего разобрать. Где мой обер-секретарь?» (VIII, 355). А жест Орла — «махнул крылом» (в знак неприятия предлагаемой пищи — «мертвечины», и возвращения к привычной — «пить живую кровь») — вызывает в памяти ужасные мановения пугачевской руки, как привиделось еще в пророческом сне Петруше Гриневу. «<...> Мужик вскочил с постели, выхватил топор из-за спины и стал махать во все стороны. <...> комната наполнилась мертвыми телами» (VIII, 289); «Предводитель их остался один впереди. <...> Он махал саблею и, казалось, с жаром их уговаривал...» (VIII, 324); «Пугачев мрачно нахмурился и махнул белым платком», «Пугачев

махнул опять платком» (сцена казни Ивана Кузмича и Ивана Игнатьевича — VIII, 324, 325). Как видим, пугачевская «сказка» вырастает из контекста романа и перерастает простую функцию вставного эпизода.

Закономерно, что мятежный Пугачев ассоциируется с орлом и, таким образом, завершает пушкинский художественный комплекс свободы / воли, слагавшийся с начала 1820-х гг. «У Пушкина орел олицетворяет не только власть и силу, но и свободу («Зачем от гор и мимо башен / Летит орел, тяжел и страшен, / На чахлый пенек? Спроси его...»); он поступает, как хочет сам, «никому не подчиняясь» [Эткинд 1999: 302–303]. Метафора орла объединяет традиционные для европейской культуры коннотации со значением вершин власти «орел — царь — власть — воля» и индивидуально-пушкинские коннотации со значением высот духа «орел — товарищ — поэт — свобода». Многозначность русского слова «воля» как синонима «свободы» и «своеволия» может стать понятой из знаменательной связи подробностей в «Капитанской дочке»: трагическитоскливого выкрика Пугачева «Воли мне мало!» — его «дикого вдохновения» — его рассказа об упоении орла «живой кровью».

Самоотождествление Пугачева с символом царской власти определяется устойчивыми сравнениями его с орлом (или фольклорным эквивалентом — ястребом), рассыпанными в тексте романа. Попадая, прятая Машу, обеспамятевшую после казни родителей, негодует: «И ведь пошел окаянный за перегородку; как ты думаешь! Ведь отдернул занавес, взглянул **ястребиными своими глазами!** — и ничего... бог вынес!» (VIII, 328). Уморительный рассказ казака призван подтвердить «народную» идентификацию самозванца как самодержца: «Нечего сказать: все приемы такие важные... А в бане, слышно, показывал царские знаки свои на грудях: на одной **двуглавый орел**, величиною с пятак, а на другой персона его» (VIII, 329). Главе X «Осада города» предпослана в качестве эпиграфа слегка измененная Пушкиным цитата из эпической поэмы М. М. Хераскова «Россиада» (1779): «С вершины, **как орел**, бросал на град он взоры», — знакомой читателю пушкинского времени. «Таким образом, контекст, появляющийся в сознании читателя, намекал на «царственный» облик Пугачева», — поясняют комментаторы [Гиллельсон, Мушина 1977: 141]. После эпизодов спасения

невесты и расставания с Пугачевым о надвигающейся развязке «русского бунта, бессмысленного и беспощадного» Гринев пишет, прибегая к семантически родственной «орлиной» метафоре гнезда — с выраженной оценочным эпитетом: «Пугачев стоял под Оренбургом. Между тем около его отряды соединялись и со всех сторон приближались к **злодейскому гнезду**» (VIII, 363).

Подлинным же, по нашему мнению, ключом к уяснению смысла ряда образов романа и, в частности, «калмыцкой сказки» является эпизод небывалой по остроте лирического переживания символики из предшествующего «Капитанской дочке» прозаического произведения — «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года» (1835). Впечатление от увиденного на рассвете, в лагере на пути к Карсу, двуглавого потухшего вулкана Алагёз [Летопись 1999: 967], принятого поэтом за гору Арарат — пристанище Ноева ковчега после великого потопа, описанного в ветхозаветной книге Бытия, переживается как мощное духовное событие. «Солнце всходило. На ясном небе белела снеговая, двуглавая гора. «Что за гора?» — спросил я потягиваясь, и услышал в ответ: «это Арарат». Как сильно действие звуков! Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к ее вершине с надеждой обновления и жизни — **и врана и голубицу**, излетающих, символы казни и примирения...» (VIII, 463).

Книга Бытия повествует о надежде на спасение мира и человечества: «И седе ковчег в месяц седмый, в двадесать седмый (в русском переводе — в семнадцатый. — Б. К.) день месяца на горах араратских. <...> И бысть по четыре десятих днех отверзе Ное оконце ковчега, еже сотвори, и посла врана (видети, аще уступила вода от лица земли): и пошед не возвратися, дондеже изсяче вода от земли. И посла голубицу по нем <...> И промедлив еще седмь дний, паки посла голубицу из ковчега. И возвратися к нему голубица к вечеру, и имевше сучец масличен с листием во устех своих: и позна Ное, яко уступи вода от лица земли» (Быт. 8: 4, 6–8, 10–11).

Спустя сорок дней ожидания на горе Арарат Ной «выпустил первого вестника, ворона, который, однако же, вылетев и найдя, видимо, обильную для себя пищу в трупах на вершине обнажившихся гор, не дал ясного извещения о состоянии земли» [Ло-

пухин 2016: 53]. В этом прямом, событийном библейском смысле понимаются слова «вран... символ казни» — как наказания Божия человечеству, погрязшему во грехах.

Пушкинское осмысление символики врана / ворона задано еще в отрицательном сравнении из пролога к поэме «Братья разбойники» (1821–1822) и прогностически связано темой «душегубства» с «Историей Пугачева» и «Капитанской дочкой»:

Не стая воронов слеталась
На груды тлеющих костей,
За Волгой, ночью, вкруг огней
Удалых шайка собиралась

(IV, 145)

Вран / ворон как «символ казни» и «мертвечины» терзает творческое воображение Пушкина со второй половины 1820-х гг. — после казни декабристов. «Ворон в голубой ливрее» мелькнет в одном из вариантов сна Татьяны (V глава, 1826) [см.: Набоков 1999: 409, 414]; «Ворон к ворону летит», призывая на страшный пир, в «шотландской балладе» [см.: Новикова 1995: 129–162]; ожидающий кончины благодетеля наследник назван «ворон, к мертвечине падкий» («На выздоровление Лукулла», 1835); наконец, хрестоматийный пример — зловещий каламбур схваченного Пугачева в его ответе на вопрос: «Как же смел ты, вор, называться государем?» — приведен Пушкиным в «Истории Пугачева» (1834–1835): «**Я не ворон** (возразил Пугачев, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновению, иносказательно), **я вороненок, а ворон-то еще летает**» (IX, 78), — видимо, подразумевая, что сам он лишь предвестник народной воли и кровавого народного возмездия.

Значение другого библейского образа — «голубицы» с масличной ветвью, «символа примирения», упрочилось в сознании поэта еще с отроческих лет — с грозных и великих событий Отечественной войны 1812 г., Заграничного похода русской армии и взятия Парижа. Символика примирения переносится на императора Александра I как в гражданственном, так и в церковном красноречии. В «Слове перед начатием благодарного Господу Богу молебствия...» Преосвященный Августин, Епископ Дмитровский и Викарий Московский, 23 апреля 1814 г. под сводами Московского большого Успенского собора возвещает: «Александр, подобно Ноевой голубице, несет к народам

масличную ветвь в знамение общего мира — в знак того, что кровавый потоп должен прекратиться на лице земли, что исчезнут тучи браней и всюду воссияет тишина и спокойствие» [цит. по: Михайлова 2016: 29].

Та же символика спасения и примирения пронизывает строки из пушкинского стихотворения «Воспоминания в Царском Селе» (конец 1814 г., прочитано на лицейском экзамене перед Г. Р. Державиным 8 сентября 1815 г.):

В Париже Росс! — где факел мщенья?

Поникни, Галлия, главой.

Но что я зрю? Герой с улыбкой примиренья

Грядет с оливою златой.

Еще военный гром грохочет в отдалении,
Москва в унынии, как степь в полнощной
мгле,

А он — несет врагу не гибель, но спасенье
И благодатный мир земле.

(I, 63)

Соответствие библейских символических «персонажей» Ноева ковчега персонажам «Капитанской дочки» иногда закономерно, иногда кажется неожиданным. Так, «излетающий» первым «вран» — и перед Гриневым предстает первым: «<...> ко мне вошел молодой офицер **невысокого роста, с лицом смуглым и отменно некрасивым**, но чрезвычайно живым». (VIII, 296). В последний же раз Гринев увидел Швабрина в Казани, во время следствия и суда по делу об участии в бунте: «Я изумился его перемене. Он был ужасно худ и бледен. Волоса его, **недавно черные как смоль**, совершенно поседели; длинная борода была всклокочена» (VIII, 368). Швабрин был сослан в Белогорскую крепость за убийство, перейдя на сторону пугачевцев, и вовсе отяготил свою совесть предательством, убийствами, клеветой, насильственным удержанием в неволе Маши. Выражаясь языком «Путешествия в Арзрум», Швабрин — «вран, символ казни». Выражаясь же языком «калмыцкой сказки», — это ворон, питающийся «мертвечиной». Внутренняя характеристика здесь совпала с портретом персонажа, что у Пушкина встречается нечасто, но в «Капитанской дочке» обусловлено задачей стилизации «под» литературу XVIII в., а главное — задачами создания глубинной символики романа и его действующих лиц, характеристики которых бывают подчас до наивности просты — как в народном лубке или библейской притче.

«Символ примирения», а с евангельских времен — кроткой, чистой души — «голубица». В романе, по понятным причинам, этому символу соответствует Маша. «Смела ли Маша? — отвечала ее мать. — <...> как тому два года Иван Кузмич выдумал в мои именины палить из нашей пушки, так она, **моя голубушка**, чуть со страха на тот свет не отправилась» (VIII, 298). Чаще всего так же называет Машу заменившая в ее сиротстве мать, добрая попадья: «Лежит, **моя голубушка**, у меня на кровати, там за перегородкою. <...> К счастью она, **моя голубушка**, не узнала его» (Пугачева. — Б. К.) (VIII, 329); «А Марья-то Ивановна — всего натерпелась без вас, **моя голубушка!**» (VIII, 359); «Прощай, Марья Ивановна, **моя голубушка!**» (VIII, 359); так же назвал девушку отправившийся в Белогорскую крепость вместе с Гриневым спасать ее «из когтей» Швабрина Пугачев: «Скажи мне, **голубушка**, за что твой муж тебя наказывает? В чем ты перед ним провинилась?» (VIII, 355).

Символика «орнитологических персонажей» библейского сказания и «калмыцкой сказки» способна внести новые оттенки смысла в коллизию и проблематику пушкинского романа. Ведь птица, по древним поверьям, понимается как душа [Новикова 1995: 252]. Во время работы над «вторым слоем» романа Пушкин пишет Наталье Николаевне: «Скучно, мой ангел. И стихи в голову нейдут; и роман не переписываю. Читаю Вальтер Скотта и Библию <...>» (конец сентября 1834 г. Из Болдино; XV, 192–193) [см.: Левкович 1987: 192–193].

Пушкинское знание Библии представляется гораздо более глубоким и значительным, чем это показали исследования на рубеже XX–XXI вв. [Мальчукова 1994; Новикова 1995; Юрьева 1998; Сура 2000]. Это поистине «воды глубокие». Возможно, задумываясь о судьбе Гринева после «пугачевщины» или о людях гриневского склада, Пушкин записывает свое переложение двух ветхозаветных притч (что не было отмечено И. Ю. Юрьевой в ее своде):

Воды глубокие
Плавно текут,
Люди премудрые
Тихо живут

(1833–1835; III, 471).

Приведем соответствующие церковнославянские тексты и переводы их на русский язык, до которых поэт, к счастью, не дожил:

«Вода глубока слово в сердцы мужа,
река же изскачуши и источник жизни»
(Притч. 18:4)

«Вода глубока совет в сердцы мужа;
муж же премудр изчерплет ю»
(Притч. 20:5)

Слова уст человеческих — глубокие воды;
источник мудрости — струящийся поток.

Помыслы в сердце человека — глубокие воды,
но человек разумный вычерпывает их.

Рассматривая особенности иносказания и художественного обобщения в своих «Лекциях по теории словесности», А. А. Потебня обратился к следующему ряду примеров: притча Иофама о терновнике (Суд. 9: 8–15), притча Нафана к Давиду о любимой овечке бедняка (2 Цар. 12: 7–4), басня Степихора о споре оленя с конем, «калмыцкая сказка» из «Капитанской дочки» [Потебня 1976: 466–470]. Всем этим произведениям ученый дает жанровое определение «басня», хотя из его комментария очевидно, что речь идет о притче: «<...> эта поэтическая форма является во времена настолько древние, насколько хватает человеческого исследования до наших дней» [Потебня 1976: 466].

Анализ «сказки» Пугачева — «басни» в терминологии А. А. Потебни, представляет собой попытку изучения «грамматики басни»: «Подлежащее в этом случае есть вопрос, почему Пугачев предпочел избранную им жизнь мирной жизни обыкновенного казака, а сказуемое — ответ на этот вопрос, то есть басня, которая является, следовательно, уяснением подлежащего» [Потебня 1976: 470]. Затем, обращаясь к примерам параболы, ученый развязывает узел терминологической путаницы: «По-славянски это можно назвать (по крайней мере, так называлось в древности) *притчей*; хотя, впрочем, слово *притча* употребляется в более обширном смысле и обнимает нашу басню» [Потебня 1976: 483]. Таким образом, «сказку» / «басню» в «Капитанской дочке» А. А. Потебня косвенно определяет как притчу. Возможно, руководствуясь столь авторитетным прецедентом, М. Новикова, безо всяких ссылок и аргументации и, тем не менее, справедливо называет «калмыцкую сказку» притчей [Новикова 1995: 608, 63].

«Сказка старой калмычки» из последнего пушкинского романа полностью соответствует классическому и многомерно определению жанра притчи, данному С. С. Аверинцевым. «Притча — дидактико-аллегорич. жанр, в осн. чертах близкий *басне*. В отличие от нее форма П. 1) неспособна к обособленному бытованию и воз-

никает лишь в нек-ром контексте, в связи с чем она 2) допускает отсутствие развитого сюжетного движения и может редуцироваться до простого *сравнения*, сохраняющего, однако, особую символич. наполненность; 3) с содержат. стороны П. отличается тяготением к глубинной «премудрости» религ. или моралистич. порядка, с чем связана 4) возвышенная топка (в тех случаях, когда топика, напротив, снижена, это рассчитано на специфич. контраст с высотой содержания). П. в своих модификациях есть универсальное явление мирового фольклорного и лит. творчества. <...> действующие лица П., как правило, не имеют не только внешних черт, но и «характера» в смысле замкнутой комбинации душевных свойств: они предстают перед нами не как объекты худож. наблюдения, но как субъекты этич. выбора. Речь идет о подыскании ответа к заданной задаче (поэтому П. часто перебивается обращенным к слушателю или читателю вопросом: «как, по-вашему, должен поступить такой-то?»).

П. интеллектуалистична и экспрессивна: ее худож. возможности лежат не в полноте изображения, а в непосредственности выражения, не в стройности форм, а в проникновенности интонаций <...>» [Аверинцев 1971: 20–21].

Рассмотренное выше наложение «персонажей» пугачевской «сказки» и «араратского» эпизода из «Путешествия в Арзрум...», а также анализ их связей с контекстом пушкинского творчества, в особенности с «Капитанской дочкой», дает нам основания обратиться к библейскому подтексту, который освещает «сказку» особым светом и, собственно, преобразует ее иносказание в притчу. Из обнаруженного нами множества библейских текстов, «которыми Пушкин питал свой ум и фантазию» [Лотман 2003: 141], выделим лишь некоторые.

Орел и ворон, кажется, слетели в аллегорию «калмыцкой сказки» прямо со страниц Библии, где шум их крыльев слышится то и дело.

В строжайших предписаниях закона Моисеева и орел (Лев. 11: 13; Втор. 14–12),

и ворон (Лев. 11: 15; Втор. 14:6) как птицы хищные считаются нечистыми. В Ветхом Завете иногда упоминаются парно. Комментатор отмечал как общеизвестное: «Орел издревле является символом силы и могущества как частных лиц, могущественных царей и героев, так и целых царств и народов», — так и особенное в ветхозаветной символике орла. «С одной стороны, орел служит в Священном Писании символом гордости, надменности и самонадеянности <...>. С другой стороны, орел представляется символом скорости падения, исчезновения и ничтожества <...>» [Библейская, II 1891–1991: 37].

Для Пушкина ворон / вран — устойчивый «символ казни». Между тем в текстах Библии восприятие ворона подвижно, из-

«Не душа ли болши есть пищи, и тело одежды; Возрите на птицы небесныя, яко не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш Небесный питает их. Не вы ли паче лучши их есте» (Мф. 6:25–26).

Из ветхозаветных текстов для нас наиболее показательны те, в которых ворон и орел упоминаются парно, — как в числовой притче о почитании родителей (Изречения Агура) из книги Притчей Соломоновых: «Око, ругающееся отцу и досаждающее старости матерни, да исторгнут его вранове и да снесут его птенцы орли» (Притч. 30: 17). Обращаясь к Иову многострадальному, глас Божий вопрошает: «Кто же врану уготова пищу; птичищи бо его Господу воззваша, облетающе брашна ищуще, <...> Твоим же ли повелением возносится орел, <...> птичищи же его валяются в крови: идеже аще будут мертвечины, абие обретаются» (Иов. 38: 41; 39: 28, 30).

Однако самый ясный свет на «сказку» Пугачева как на пророческую притчу о его участии проливают предписания книги Левит (выписки из которой Пушкин делал по иным поводам в 1834–1835 гг. — XVII, 562), содержащие запреты на употребление в пищу **крови и мертвечины**. Они следуют друг за другом:

«Душа во всякия плоти кровь его есть. И рекох сыном Израилевым: крове всякия плоти да не снесете, яко душа всякия плоти кровь его есть: всяк ядый ю потребится.

И всяка душа яже ест мертвечину или звероядину, от туземец или от пришелец, да исперет ризы своя и да омыет тело водою, и

менчиво и лишено однозначности. Эта нечистая, «прожорливая птица служила в деснице Промысла орудием спасения» [Библейская, I, 1891–1991: 135] величайшего из ветхозаветных пророков, в ком видели «прообраз того великого проповедника покаяния, который был предтечей Христа» [Лопухин 2016: 449]. Спасаясь от преследований, пророк Илия укрылся у потока Хорафа. «И вранове приношаху ему хлебы и мяса завтра, и хлебы и мяса к вечеру, и от потока пияше воду» (3 Цар. 17:6). Не из-за этой ли связи с пророком-предшественником и его спасителями Иисус, рассуждая в своей проповеди о тяготах повседневных забот и уповании на Отца Небесного, приводит в пример, в передаче Матфея просто «птиц», в тексте же Луки названы «вороны».

«Душа болши есть пищи, и тело одежды; смотрите вран, яко не сеют, ни жнут: имже несть сокровища, ни житницы, и Бог питает их: кольми паче вы есте лучши птиц» (Лк. 12: 23–24).

нечист будет до вечера, по сем же чист будет.

Аще же не исперет риз своих, ни омыет тела водою, то примет беззаконие свое» (Лев. 17: 14–16).

Итак, гласит запрет, вкусивший крови, «потребится» (истребится), евший мертвечину «приимет» (понесет на себе) беззаконие свое.

Первое обращение Пушкина к библейской, точнее, евангельской притче, как широко известно, состоялось в стихотворении «Свободы сеятель пустынный» (осень 1823 г.). «Измененная цитата» [Юрьева 1998: 264] из притчи о сеятеле по Евангелию от Луки стала эпиграфом к знаменитому стихотворению о горьком посеве свободы, где поэт, по нашему мнению, обращается к контексту данной притчи в передаче другого евангелиста — Марка, у которого главный тезис из объяснения Христом смысла своей притчи ученикам гласит: «Сеяй, **слово сеет**» — «Сеятель слово сеет» (Мк. 4:14). Исходная духовная ситуация притчи — **посев слова истины** (о Царствии Небесном) — была скептически осмыслена в русле иной духовной ситуации — **посев слова свободы** («в поработанные бразды»), итог которого предопределен:

Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

(II, 269).

В пушкинском переосмыслении притчи о сеятеле царит «это глубокое, тотальное разочарование, этот новый мрачный взгляд на мир и людей», который «захватывает сферу его освободительных идей» [Сурат, Бочаров 2002: 38] в 1822–1823 гг.

Иной характер восприятия евангельской притчи — ее имплицитного присутствия в сюжете и образах — очевиден в повести «Станционный смотритель» (1830), в тот период, когда тема Дома и образ Дома станут одним из родовых признаков творчества поэта [Лотман 1995: 304]. Имеется в виду знаменитая притча о блудном сыне, которая является одним из любимых евангельских произведений Пушкина [см.: Турбин 1978: 64–65; Тюпа 1983: 67–81; Дарвин, Тюпа 2001: 151–224; Мясоедова 1986: 66–67; Чернов 1994: 151–158]. Справедливо замечено, что «воздействие архетипа «блудного сына» на русскую литературу объективно существовало и порой становилось краеугольным камнем мировоззренческой позиции писателя» [Чернов 1994: 158].

Роман «Капитанская дочка» выбрал в себя и притчу о сеятеле (Пугачев мечет медные деньги в толпу жестом сеятеля (VIII, 334); какой горькой иронией отозвался и жалкой пародией обернулся мотив посева свободы в этой подробности!), и притчу о блудном сыне (мотовство и повесничанье Петруши, покинувшего отчий дом). Включенная в роман притча об Орле и Вороне диалогически связана с предыдущими пушкинскими репликами евангельских текстов, как вся вторая часть его — с евангельским лейтмотивом «Милости хочу, а не жертвы» (Мф 9: 12–13; 12: 7), введенным в итоговое стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».

Комментаторы «Капитанской дочки» обратили внимание на «знаменательность даты» в окончательном тексте романа — 19 октября, день лицейской годовщины. 19 октября 1836 г., готовясь к юбилейному (двадцатипятилетнему) празднованию Лицея, Пушкин ставит подпись «Издатель» в перебранной рукописи романа и переписывает набело законченные строфы стихотворения «Была пора: наш праздник молодой...» [Гиллельсон, Мушина 1977: 172–173]:

Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Метались смущенные народы;
И высились, и падали цари;

И кровь людей то Славы, то Свободы,
То Гордости багрила алтари.
(III, 432).

В последнем стихотворении Пушкина «на лицейскую годовщину» вперед выдвинуты его поколение — свидетель, очевидец «таинственной игры» — и «народы». Эсхатологический смысл и ориентация на новозаветный сюжет с обратным знаком — нашествие Наполеона как пришествие Антихриста [Гаспаров 1999: 82–117; Новиков 2011: 11–124] — растворились в Истории, которая все в себя приняла, как алтарь и божество — жертвенную кровь. Примечательно, что в одном из вариантов предпоследней цитированной строки записана формула из «калмыцкой сказки» — «живая кровь» (III, 1042); двустилишие могло бы выглядеть так:

Живая кровь то Славы, то Свободы,
То Гордости багрила алтари.

Триединая связь событий «19 октября 1836 года. Понедельник» выявлена С. Л. Абрамович: к указанным двум добавляется письмо Пушкина П. Я. Чаадаеву в связи с публикацией первого «Философического письма», сконцентрировавшего чаадаевский трагический скептицизм по поводу судьбы России. Содержавшее в себе ставшие знаменитыми слова поэта: «<...> клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал» (XVI, № 1267), — письмо не было отправлено [см.: Абрамович 1991: 370–371; Летопись 1999: IV, 1943–1944].

Включенная в исторический роман «калмыцкая сказка» — философская притча, таким образом, органично вводится в пушкинскую философию истории. И в этом, высшем, смысле (а не в смысле знаменательности даты) оказывается справедливым вывод создателей современной научной биографии поэта: «День 19 октября 1836 года оказался итоговой точкой развития пушкинской исторической мысли» [Сурат, Бочаров 2002: 215–216].

Литература

- Абрамович С. Л. Пушкин. Последний год. Хроника: январь 1836 — январь 1837. М.: Советский писатель, 1991. 621 с.
Аверинцев С. С. Притча// Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. Присказка — «Советская Россия». М.: Сов. энциклопедия, 1971. Стб. 20–21.

- Библейская энциклопедия. В 2 кн. М.: NB-press. Центурион. АПС, 1991 (репринт издания 1891 г.) Кн. I. А–Н. 496 с. Кн. II. Н–Я. 400 с.
- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета / на церковнославянском языке с параллельными местами. М.: Российское Библейское общество, 2001 (Репринтное издание. Тиснение второе).
- Борисова В. В. «Калмыцкая сказка» в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка» // Фольклор народов РСФСР. Межвузовский научный сборник. Уфа: Изд-во Башкирского гос. ун-та, 1988. Вып. 15. С. 108–118.
- Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. 400 с. (Серия «Современная западная русистика», т. 27).
- Гиллельсон М. И., Мушина И. Б. Повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Комментарий. Пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1977. 192 с.
- Дарвин М. Н., Тюпа В. И. Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания. Новосибирск: Наука, 2001. 292 с.
- Кичикова Б. А. «Калмыцкая сказка» в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка» — к вопросу об источниках // Монголоведение. Вып. 8. Элиста: КалмНИЦ РАН, 2016. С. 104–113.
- Левкович Я. Л. Комментарии // Пушкин А. С. Письма к жене / подг. Я. Л. Левкович. Л.: Наука, 1987. С. 107–190 (Серия «Литературные памятники»)
- Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. В 4 т. Т III: 1829–1832 / сост. Н. А. Тархова. М.: Слово / Slovo, 1999. 623 с.
- Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. В 4 т. Т. IV. 1833–1837 / сост. Н. А. Тархова. М.: Слово / Slovo, 1999. 752 с.
- Лопухин А. П. Библейская история Ветхого и Нового Заветов. Полн. изд. В 1 т. М.: Альфа-книга, 2016. 1215 с. (По изд. 1898 и 1899 гг.)
- Лорд А. Б. Сказитель. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1994. 368 с.
- Лотман Л. М. Проблема «всемирной отзывчивости» Пушкина и библейские реминисценции в его поэзии и «Борисе Годунове» // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XVI–XVII. Сборник научных трудов. СПб.: Наука, 2003. С. 131–147.
- Лотман Ю. М. Из размышлений над творческой эволюцией Пушкина (1830 год) // Лотман Ю. М. Пушкин. СПб.: Искусство–СПб., 1995. С. 300–316.
- Мальчукова Т. Г. О сочетании античной и христианской традиций в лирике А. С. Пушкина 1820–1830-х гг. // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Сб. науч. тр. (Серия «Проблемы исторической поэтики». Вып. 3). Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 1994. С. 84–130.
- Михайлова Н. И. Психея, задумавшаяся над цветком: о Пушкине. М.: Литературная учебка (ЛУч), 2015. 416 с.
- Мясоедова Н. Е. Мемуарная форма в художественной прозе А. С. Пушкина // Пушкин и русская литература. Рига, 1986. С. 66–75.
- Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / пер. с англ. СПб.: Искусство–СПб. Набоковский фонд, 1999. 928 с.
- Непомнящий В. Е. Пушкин. Избранные работы 1960-х — 1990-х гг. Кн. I. Поэзия и судьба. М.: Жизнь и мысль, 2001. 496 с.
- Новиков В. И. Из пламя и света рожденное слово. А. С. Пушкин и Отечественная война 1812 года. М.: «Минувшее», 2011. 317 с.
- Новикова М. Пушкинский космос. Языческая и христианская традиция в творчестве Пушкина. М.: Наследие, 1995. 353 с.
- Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост. и пер Б. Х. Тодаевой. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 839 с.
- Потебня А. А. Эстетика и поэтика / сост., вступ. ст., примеч. М. В. Иванько, А. И. Колодная. М.: Искусство, 1976. 614 с.
- Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 19-ти т. М.: Воскресенье, 1994–1997.
- Т. I. Лицейские стихотворения. М.: Воскресенье, 1994. 437 с.
- Т. III. (1, 2) Стихотворения. 1826–1836. М.: 1997. 1379 с.
- Т. IV. Поэмы. 1817–1824. М.: Воскресенье, 1994. 481 с.
- Т. VIII. (1, 2) Романы и повести. Путешествия. М.: 1995. 1117 с.
- Т. IX. (1, 2) История Пугачева. М.: Воскресенье, 1995. 949 с.
- Т. XV. Переписка. 1832–1834. М.: Воскресенье, 1996. 391 с.
- Т. XVI. Переписка. 1835–1837. М.: Воскресенье, 1997. 503 с.
- Т. XVII (дополнительный). Рукою Пушкина. Изд. 2-е, перераб. М.: Воскресенье, 1997. 738 с.
- Сураг И. З. Пушкин: биография и лирика. Проблемы. Разборы. Заметки. Отклики. М.: Наследие, 2000. 230 с.

- Сурат И. З., Бочаров С. Г. Пушкин: Краткий очерк жизни и творчества. М.: Языки славянской культуры, 2002. 240 с.
- Турбин В. Н. Пушкин. Гоголь. Лермонтов. Об изучении литературных жанров. М.: Просвещение, 1978. 239 с.
- Тюпа В. И. Притча о блудном сыне в контексте «Повестей Белкина» как художественного целого // Болдинские чтения. Горький, 1983. С. 67–81.
- Чернов А. В. Архетип «блудного сына» в русской литературе XIX века // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Сб. науч. тр. (Серия «Проблемы исторической поэтики». Вып. 3). Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 1994. С. 151–158.
- Эткинд Е. Г. Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М.: Языки русской культуры, 1999. 600 с.
- Юрьева И. Ю. Пушкин и христианство. Сборник произведений А. С. Пушкина с параллельными текстами из Священного Писания с комментарием. М.: Муравей, 1998. 269 с.
- References**
- Abramovich S. L. *Pushkin. Posledniy god. Khronika: yanvar' 1836 — yanvar' 1837* [Pushkin. The last year. Chronicle: January 1836 — January 1837]. Moscow, Sovetskiy Pisatel Publ., 1991, 621 p. (In Russ.).
- Averintsev S. S. *Pritcha* [Parable]. *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya. T. 6. Priskazka — «Sovetskaya Rossiya»* [Brief literary encyclopedia. Vol. 6 ...]. Moscow, Sov. Entsiklopediya Publ., 1971, pp. 20–21 (In Russ.).
- Bibleyskaya entsiklopediya. V 2 kn.* [Biblical encyclopedia. In 2 vol.]. Moscow, NB-Press. Tsentrurion. APS, 1991 (reprint of 1891 edition). Book I, A–N, 496 p.; book II, N–Ya, 400 p. (In Russ.).
- Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta / na tserkovnoslavyanskom yazyke s parallel'nymi mestami* [The Bible. Holy Scriptures of the Old and New Testaments in Old Church Slavonic ...]. Moscow, Russian Biblical Society Press, 2001 (reprint) (In Russ.).
- Borisova V. V. «*Kalmytskaya skazka*» v romane A. S. Pushkina «*Kapitanskaya dochka*» [The Kalmyk fairy tale in A. Pushkin's *The Captain's Daughter*]. *Fol'klor narodov RSFSR. Mezhvuzovskiy nauchnyy sbornik* [Peoples of the RSFSR: folklore. An international collection of scholarly papers]. Ufa, Bashkir State Univ. Press, 1988, iss. 15, pp. 108–118 (In Russ.).
- Gasparov B. M. *Poeticheskiy yazyk Pushkina kak fakt istorii russkogo literaturnogo yazyka* [Pushkin's poetic language as a fact of history of the Russian literary language]. St. Petersburg, Akademicheskii Proekt Publ., 1999, 400 p. (In Russ.).
- Gillelson M. I., Mushina I. B. *Povest' A. S. Pushkina «Kapitanskaya dochka». Kommentariy. Posobie dlya uchitelya* [A. Pushkin's *The Captain's Daughter*. Comments. A guidebook for school teachers]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1977, 192 p. (In Russ.).
- Darvin M. N., Tyupa V. I. *Tsiklizatsiya v tvorchestve Pushkina: Opyt izucheniya poetiki konvergentnogo soznaniya* [Cyclization in Pushkin's works: studying the poetics of convergent consciousness]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2001, 292 p. (In Russ.).
- Kichikova B. A. «*Kalmytskaya skazka*» v romane A. S. Pushkina «*Kapitanskaya dochka*» — k voprosu ob istochnikakh [The Kalmyk fairy tale in A. Pushkin's *The Captain's Daughter*: sources revisited]. *Mongolovedenie. Vyp. 8* [Mongol Studies journal], Elista, Kalmyk Scientific Center (RAS) Press, 2016, pp. 104–113 (In Russ.).
- Levkovich Ya. L. *Kommentarii* [Comments]. *Pushkin A. S. Pis'ma k zhene / podg. Ya. L. Levkovich* [A. Pushkin. Letters to wife ...]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, pp. 107–190 (In Russ.).
- Letopis' zhizni i tvorchestva Aleksandra Pushkina. V 4 t. T III: 1829–1832 / sost. N. A. Tarkhova* [A chronicle of A. Pushkin's life and deeds. In 4 vol. Vol. III. 1829–1832. Comp. by N. Tarkhova]. Moscow, Slovo / Slovo Publ., 1999, 623 p. (In Russ.).
- Letopis' zhizni i tvorchestva A. S. Pushkina. V 4 t. T. IV. 1833–1837 / sost. N. A. Tarkhova* [A chronicle of A. Pushkin's life and deeds. In 4 vol. Vol. IV. 1833–1837. Comp. by N. Tarkhova]. Moscow, Slovo / Slovo Publ., 1999, 752 p. (In Russ.).
- Lopukhin A. P. *Bibleyskaya istoriya Vetkhogo i Novogo Zavetov. Poln. izd. V 1 t.* [Biblical history of the Old and New Testaments. Complete ed. in one vol.]. Moscow, ALFA-KNIGA Publ., 2016, 1215 p. (reprint of 1898 and 1899 edit.) (In Russ.).
- Lord A. B. *Skazitel'* [The Tale-teller]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 1994, 368 p. (In Russ.).
- Lotman L. M. *Problema «vsemirnoy otzyvchivosti» Pushkina i bibleyskie reministsentsii v ego poezii i «Borise Godunove»* [Pushkin's 'universal responsiveness' and biblical reminiscences]

- in his poetry and *Boris Godunov*]. *Pushkin. Issledovaniya i materialy. T. XVI–XVII. Sbornik nauchnykh trudov* [Pushkin. Research studies and materials. Vol. 16–17. Collected scholarly works]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003, pp. 131–147 (In Russ.).
- Lotman Yu. M. *Iz razmyshleniy nad tvorcheskoy evolyutsiei Pushkina (1830 god)* [Contemplations about Pushkin's artistic evolution (1830)]. *Lotman Yu. M. Pushkin* [Lotman Yu. Pushkin]. St. Petersburg, Iskustvo–SPb. Publ., 1995, pp. 300–316 (In Russ.).
- Malchukova T. G. *O sochetanii antichnoy i khristianskoy traditsiy v lirike A. S. Pushkina 1820–1830-kh gg.* [About the combination of Classical and Christian traditions in Pushkin's lyrics. 1820–1930s]. *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov. Tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr. Sb. nauch. tr. (Seriya «Problemy istoricheskoy poetiki»). Vyp. 3* [Evangelical text in the 18th–20th cc. Russian literature ...]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State Univ. Press, 1994, pp. 84–130 (In Russ.).
- Mikhaylova N. I. *Psikheya, zadumavshayasya nad tsvetkom: o Pushkine* [Psyche hesitating over a flower: about Pushkin]. Moscow, LUCH Publ., 2015, 416 p. (In Russ.).
- Myasoedova N. E. *Memuarnaya forma v khudozhestvennoy proze A. S. Pushkina* [Memoirs as a method of Pushkin's fictional prose]. *Pushkin i russkaya literature* [Pushkin and Russian literature]. Riga, 1986, pp. 66–75 (In Russ.).
- Nabokov V. V. *Kommentariy k romanu A. S. Pushkina «Evgeniy Onegin» / per. s angl.* [A comment on A. Pushkin's *Eugene Onegin* ...]. St. Petersburg, Iskustvo–SPb. Nabokovskiy Fond Publ., 1999, 928 p. (In Russ.).
- Nepomnyashchiy V. E. *Pushkin. Izbrannye raboty 1960-kh — 1990-kh gg. Kn. I. Poeziya i sud'ba* [Pushkin. Selected works. 1960s–1990s. Book I. Poetry and destiny]. Moscow, Zhizn i Mysl Publ., 2001, 496 p. (In Russ.).
- Novikov V. I. *Iz plamy i sveta rozhdennoe slovo. A. S. Pushkin i Otechestvennaya voyna 1812 goda* [The word born from flame and light. A. Pushkin and the Patriotic War of 1812]. Moscow, Minuvshee Publ., 2011, 317 p. (In Russ.).
- Novikova M. *Pushkinskiy kosmos. Yazycheskaya i khristianskaya traditsiya v tvorchestve Pushkina* [Pushkin's universe. Pagan and Christian traditions in Pushkin's works]. Moscow, Nasledie Publ., 1995, 353 p. (In Russ.).
- Poslovitsy, pogovorki i zagadki kalmykov Rossii i oyratov Kitaya / sost. i per B. Kh. Todaevoy* [Russia's Kalmyks and China's Oirats: proverbs, sayings and riddles. Comp. and transl. by B. Todaeva]. Elista, Dzhangar Publ., 2007, 839 p. (In Kalm.).
- Potebnya A. A. *Estetika i poetika / sost., vstup. st., primech. M. V. Ivan'o, A. I. Kolodnaya* [Aesthetics and poetics. Comp. and comment. by M. Ivanyo et al.]. Moscow, Iskustvo Publ., 1976, 614 p. (In Russ.).
- Pushkin A. S. *Poln. sobr. soch. V 19-ti t.* [Complete works in 19 vol.]. Moscow, Voskresenie Publ., 1994–1997 (In Russ.).
- T. I. *Litseyskie stikhotvoreniya* [Vol. I. Poems of the Lyceum period]. Moscow, Voskresenie Publ., 1994, 437 p. (In Russ.).
- T. III. (1, 2) *Stikhotvoreniya. 1826–1836* [Vol. III. Poems. 1826–1836]. Moscow, 1997, 1379 p. (In Russ.).
- T. IV. *Poemy. 1817–1824* [Vol. IV. Poems. 1817–1824]. Moscow, Voskresenie Publ., 1994, 481 p. (In Russ.).
- T. VIII. (1, 2) *Romany i povesti. Puteshestviya* [Vol. VIII. Novels and stories. Travels]. Moscow, 1995, 1117 p. (In Russ.).
- T. IX. (1, 2) *Istoriya Pugacheva* [Vol. IX. Pugachev's history]. Moscow, Voskresenie Publ., 1995, 949 p. (In Russ.).
- T. XV. *Perepiska. 1832–1834* [Vol. XV. Letters. 1832–1834]. Moscow, Voskresenie Publ., 1996, 391 p. (In Russ.).
- T. XVI. *Perepiska. 1835–1837* [Vol. XVI. Letters. 1835–1837]. Moscow, Voskresenie Publ., 1997, 503 p. (In Russ.).
- T. XVII (dopolnitel'nyy). *Rukoyu Pushkina. Izd. 2-e, pererab.* [Vol. XVII. By Pushkin's hand ... 2nd ed., rev.]. Moscow, Voskresenie Publ., 1997, 738 p. (In Russ.).
- Surat I. Z. *Pushkin: biografiya i lirika. Problemy. Razbory. Zametki. Otkliki* [Pushkin: biography and lyrics. Problems. Reviews. Comments. Replies]. Moscow, Nasledie Publ., 2000, 230 p. (In Russ.).
- Turbin V. N. *Pushkin. Gogol'. Lermontov. Ob izuchenii literaturnykh zhanrov* [Pushkin. Gogol. Lermontov. About studies of literary genres]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1978, 239 p. (In Russ.).
- Tyupa V. I. *Pritcha o bludnom syne v kontekste «Povestey Belkina» kak khudozhestvennogo tselogo* [Parable of the Prodigal Son in the context of *The Belkin Tales* — as a complete

- fictional composition]. *Boldinskie chteniya* [Boldino Readings]. Gorky, 1983, pp. 67–81 (In Russ.).
- Chernov A. V. *Arkhetip «bludnogo syna» v russkoy literature XIX veka* [The archetype of a ‘prodigal son’ in the 19th c. Russian literature]. *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: Tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr. Sb. nauch. tr. (Seriya «Problemy istoricheskoy poetiki». Vyp. 3)* [Evangelical texts in the 18th–20th cc. Russian literature ...]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State Univ. Press, 1994, pp. 151–158 (In Russ.).
- Etkind E. G. *Bozhestvennyy glagol: Pushkin, pročitanny v Rossii i vo Frantsii* [The divine verb: Pushkin readings in Russia and France]. Moscow, Yazyki Russkoy Kultury Publ., 1999, 600 p. (In Russ.).
- Yurieva I. Yu. *Pushkin i khristianstvo. Sbornik proizvedeniy A. S. Pushkina s parallel'nyimi tekstami iz Svyashchennogo Pisaniya s kommentariem* [Pushkin and Christianity. Collected works by A. Pushkin supplemented by corresponding texts from the Holy Scriptures and comments]. Moscow, Muravey Publ., 1998, 269 p. (In Russ.).

УДК 821.161.1

«Калмыцкая сказка» Пугачева — философская притча Пушкина

Байрта Анатольевна Кичикова¹

¹ кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, отдел письменных памятников, литературы и буддологии, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: kigiran@mail.ru

Аннотация. «Калмыцкая сказка» рассматривается автором в аспектах теории жанра и конкретного анализа жанра притчи. Иносказательный смысл пугачевской «сказки» вырастает из контекста пушкинского творчества, особенно «Путешествия в Арзрум...» и романа «Капитанская дочка». Интертекстуальные связи символических и аллегорических персонажей («вран и голубица», Орел и Ворон), в свою очередь, определяются спецификой библейских текстов, преимущественно ветхозаветных. Аллюзии, реминисценции и реплики библейских предписаний, поучений и притчей определяют жанровое своеобразие «калмыцкой сказки» Пугачева как философской притчи. И в этом качестве притча об Орле и Вороне включается в пушкинскую философию истории, вызревшую в 1830-е гг.

Ключевые слова: «калмыцкая сказка», «старая калмычка», Пугачев, Пушкин, Орел и Ворон, иносказание, притча, библейские тексты, философия истории